Сказка о злой мачехе

Жил-был крестьянин, и жена у него умерла, а хозяйством и всем в доме заведовала дочь. Вдруг на старости лет вздумал крестьянин жениться; сколько дочь его ни просила и сколько соседи ни отговаривали — нет-таки, не послушался, женился. Да и женился-то еще на злой вдове, у которой была такая же злая дочь. Скоро увидел старик, что новая жена его и падчерица были и глупые и злые. Крестьянину и его дочери житья не стало, сколько бедная Аннушка ни работала, не могла угодить мачехе.

Недалеко от деревни был лес, о котором рассказывали множество страшных рассказов, и крестьяне боялись рубить в нем дрова и без крайней надобности даже и не ходили туда. Раз как-то крестьянин Пахом похвастался, что он нарубит в лесу дров. Вот поехал за дровами, нарубил воз дров и уж хотел ехать домой, как вдруг откуда ни возьмись — старик, старый-престарый, борода седая до колен, глаза так и светятся, как угли, и закричал на Пахома: «Как ты смел рубить дрова в моем заповедном лесу?» Бедный Пахом испугался, упал старику в ноги, стал просить прощенья и кое-как умилостивил его. «Так и быть, — сказал старик, — на первый раз тебя прощаю, а вперед смотри! Скажи тем мужикам, что если кто осмелится заехать ко мне рубить дрова, то я до тех пор молодца не отпущу, пока не сроет он — вон, видишь? — этой горы и не засыплет оврага, что под горой; а землю будет он возить на волках и на медведях. Ведь в моем лесу их довольно, они получше ваших кляч. Поезжай домой да не забудь, что я говорил».

Пахом ударил по лошаденке да без оглядки из лесу погоняет, и уж только когда подъехал к деревне, оглянулся посмотреть: не гонится ли за ним старик? Добравшись до дому, забился он на печь и со страху трои сутки пролежал на печи. Как рассказал он потом мужикам — полно с тех пор ездить в лес за дровами, а бабы перестали ходить за грибами и за ягодами в лес: все боялись, что старик заставит копать гору да возить землю на волках и медведях, а может — еще и самих будет запрягать. Другие говорили, будто старик лесной с рогами, а на пальцах у него когти. Молодые ребята не верили и смеялись, а все-таки в лес не ходили.

Мачеха осердилась однажды на Аннушку и говорит мужу: «Федот! Отвези ее в лес, а уж я с ней более жить не хочу!» Федот прикрикнул на жену, но

та схватила помело, а падчерица кочергу, и бросились на него. Он испугался и согласился отвезти в лес Аннушку. Она и сама сказала отцу: «Отвези меня, батюшка! Здесь житье мое такое горькое, что уж и в лесу будет мне лучше!»

Поплакал старик, запряг лошаденку, посадил дочь в телегу и повез в лес. На дорогу Аннушке мачеха дала краюшку хлеба.

Приехавши в лес, Федот простился с дочерью, благословил ее и сказал: «Ну, дитятко, оставайся с богом! Может, тебе здесь будет лучше и ты будешь жива и здорова, а через три дня я тебя проведаю!»

Старик сел в тележку и поехал домой, а Аннушка пошла по тропинке в лес, стала брать ягоды, долго ходила по лесу и видит — стоит избушка. Аннушка подошла к дверям, постучалась — нет ни ответа, ни привета. Благословясь, отворила она дверь и вошла в избушку. Вошедши в избушку, осмотрелась она — нет никого. В одном углу стоял стол и кругом лавки, а в другом углу стояла самопрялка и лежала куча льна. Аннушка села на лавку. На дворе уже смеркалось; поела она хлебца, легла — не спится бедняжке; и вот она засветила лучину и сидит, подгорюнясь.

В полночь дверь отворилась, и в избушку вошел старик — седенький, старенький, опирается на костыль — и сказал Аннушке: «Здравствуй, красная девица!» — «Здравствуй, дедушка!» — отвечала Аннушка. «Как ты зашла сюда, волею или неволею?» Аннушка рассказала ему, что мачеха велела ее отвезти в лес. «Ну, красная девица, дам я тебе работу. Вот видишь кучу льна? Так напряди мне ниток, вытки холст и сшей рубашку, а завтра я к тебе приду. Если рубашка не будет готова, так тебе будет худо, а теперь прощай».

Старик ушел.

Залилась Аннушка горькими слезами и думает: «Где мне в одни сутки напрясть ниток, выткать холст и сшить рубашку! Посмотрю, однако ж, — пусть, по крайней мере, старик увидит, что я не ленилась».

Вот Аннушка взяла самопрялку, навязала льна и начала прясть. Веретенцы так и вертятся, только-то успевай нитки поправлять. К утру Аннушка испряла весь лен и задумалась: как ей ткать холст, у нее нет станка? Подумала-подумала — ну, что будет, то будет — и задремала.

Когда Аннушка проснулась, солнышко было уже высоко, перед ней на столе стояло разное кушанье, а возле окошка стояли стан и кросна совсем готовые — садись да тки.

Аннушка пошла сначала к ручейку, который протекал близ избушки, умылась, помолилась богу, отобедала, собрала со стола и села ткать. Вот челнок у нее так и прыгает взад и вперед, и к вечеру холст был готов. Соткала она холст, скроила рубашку и принялась шить. Аннушка шьет, а время идет, ночь уж давно наступила, и вот она того и ждет, что дверь отворится и старик войдет в избушку.

Только что Аннушка успела закрепить последний стежок, старик вошел. «Ну, что? Сшила рубашку?» — спросил старик. Аннушка подала ему рубашку. «Спасибо, красная девица, а за твою службу хочу я тебя наградить. Ты говорила мне, что у тебя мачеха злая? Хочешь ли, пошлю я своих волков и медведей, они съедят ее и с дочерью?» — «Нет, дедушка, не трогай их, а когда батюшка приедет проведать меня, то я попрошу его отпустить меня жить в люди: ведь я умею все делать, служить буду хорошо, и мне житье будет хорошее». — «Если так, пусть будет по-твоему. Завтра ты получишь от меня подарки — возьми их и будь всегда рукодельна да добра, как была до сих пор, а теперь прощай!»

Старик ушел.

Аннушка была так весела! Взошло солнышко. Она пошла гулять в лес и вышла посмотреть на дорогу: не едет ли отец проведать ее, а вечером легла она на лавочку и уснула спокойно.

Проснувшись, видит Аннушка, что стоят на столе три ларчика — один другого меньше, и при каждом ларчике по серебряному ключу. Аннушка отперла большой ларчик — в нем были разные уборы; отперла другой ларчик — он был полон серебряных денег; отперла третий — полон золотых денег.

Прошло три дня, как старик отвез Аннушку в лес. Мачеха и говорит ему: «Поезжай, проведай дочь!» Старик горюет и думает: «Где уж ей живой быть — верно, ее давно волки съели!» Старик запряг лошадь и поехал, а мачеха с дочерью смеются и говорят: «Привезет домой косточки! Где ей живой быть! Надобно пиво варить да поминки справить».

У Аннушки была собачка, и когда старик уехал в лес дочь проведать, она начала бегать по двору и радоваться. Вдруг она залаяла: «Тяв-тяв-тяв!

Хозяин едет, золото да серебро стучит да гремит!» — «Что ты, негодная, — вот я тебя! Какое там золото и серебро, — сказала мачеха, — косточки в лукошечке стучат да гремят!» — и сама с дочерью все поглядывает в окошко.

Вот дочь ее кричит: «Матушка, матушка! Вотчим едет, да, кажись, и Анна-то с ним!» Мачеха подбежала к окну, смотрит: едет старик и дочь везет! «Видишь, какое зелье! — говорит мачеха. — Нескоро избудешь!»

Въехали на двор Федот с Аннушкой, идут в избу, несут ларцы, а как Аннушка их отперла, так мачеха с дочерью не надивуются. Мачеха притворилась, будто она рада, что Аннушка возвратилась жива и здорова. «Я тебе говорила, дитятко, что ты будешь жива и здорова», — сказала она Аннушке.

Прошло несколько дней, вот мачеха и говорит Федоту! «Муж! Отвези-ка ты теперь мою дочь в лес». Федот заложил лошадь, посадил на телегу падчерицу и повез, а сам думает: «Давно бы пора отвезти тебя, злую и упрямую девку!» Падчерица не хотела было ехать, да мать насильно ее послала, говорит: «Ты навезешь золота и серебра, так тебя богатый жених возьмет».

Федот привез падчерицу прямо к избушке и спустил с телеги. Мать навязала ей узел пирогов и ватрушек — такой, что и неделю не съешь. Наелась падчерица и проспала до самой ночи, только поворачивается с боку на бок. Потом зажгла она лучину и сидит.

В полночь пришел старик и говорит ей: «Здравствуй, красная девица!» Падчерица молчит. «Какая ты сердитая! — сказал старик, — Вот тебе работа: напряди шерсти, свяжи мне чулки и варяги да вытки кушак, а завтра в такую же пору я приду — смотри, чтобы все было готово, а не то тебе худо будет!»

Старик ушел.

«Видишь какой! — сказала падчерица, — Что еще выдумал, старый хрыч! Нашел себе работницу, да я и на себя-то у матушки не работаю, а стану я вязать ему варяги да чулки — и так проходит!» Наелась падчерица пирогов и легла спать, а на другой день встала и опять ничего не делала.

Пришла полночь. Дверь в избушку отворилась. Вошел старик. «Что, готова ли моя работа?» Падчерица отворотилась и молчит. «А, когда так, если ты

не послушалась меня, не хотела связать мне чулки да варяги — убирайся вон из моей избушки!»

Старик выгнал падчерицу, и она пошла бродить по лесу; и вот напали на нее волки и съели ее, косточки в кучу сложили. Прошло три дня. Аннушкина мачеха говорит мужу: «Поезжай, старик, и привези мою дочь». Старик поехал, а жена его то и дело подбегает к окну да смотрит: не везет ли старик дочь ее?

И вот затопила она печь — стряпать пироги и печь блины. Собачонка бегает и лает: «Тяв-тяв-тяв! Хозяин едет, косточки в лукошке стучат да гремят!» Мачеха Аннушкина начала собачку бить сковородником: «Что ты брешешь, негодная! Говори: золото и серебо стучит да гремит!»

Въехал Федот на двор, и жена его выскочила встречать дочь свою. «Где же моя дочка?» — спрашивает она у старика. «Да вот, привез я только ее косточки — волки съели».

Старуха завыла голосом, да делать нечего — ведь что было, того не воротишь.

Аннушка вышла замуж за богатого крестьянина, взяла к себе отца и жила достаточно, а старик нянчил своих внучат. Мачеха Аннушкина горевала да горевала о своей дочери, да так и умерла, и никто не пожалел об ней.

Авдеева К. Русские сказки для детей. Спб., 1860

Читайте также русскую народную сказку "Морозко".